

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПО СОЦИАЛЬНЫМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ДЕПОНИРОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

2019 – 3

Издается с 1994 года
С 2014 г. выходит 4 раза в год

МОСКВА 2019

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО СОЦИАЛЬНЫМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

ДЕПониРОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ, 2019, № 3

Отдел научно-библиографической информации

Отв. за выпуск: *Т.С. Кондратьева*

*Вывод текста осуществляется на лазерном
принтере с использованием пакета программ
«LARC» для ЭВМ «Хьюлетт-Паккард-3000»,
разработанного фирмой LARC Computing Inc., США*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН осуществляет депонирование научных работ по социальным и гуманитарным наукам.

Депонирование (прием научных работ на хранение, информация о них и высылка копий этих рукописей по запросам) организовано в целях ознакомления ученых и специалистов с трудами, которые нецелесообразно издавать большими тиражами обычными способами печати.

С 1994 г. ИНИОН издает приложение к библиографическим указателям «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам» под общим названием «Депонированные рукописи». Начиная с 1997 г. указатель выходит отдельной серией под названием «Депонированные научные работы».

В данный указатель включается информация о рукописях, депонированных в ИНИОН РАН, в отраслевых центрах информации России и органах научно-технической информации стран СНГ.

Систематизация осуществляется по рубрикатору, включающему 13 разделов: «Общие вопросы», «История. Археология. Этнология», «Культурология», «Литературоведение», «Науковедение», «Политология», «Правоведение», «Психология», «Религиоведение», «Социология», «Философия», «Экономика», «Языкознание». Внутри разделов материал расположен в алфавите авторов и заглавий. Описание рукописей производится в соответствии с ГОСТом 7.1–84 «Библиографическое описание документа: Общие требования и правила составления».

Начиная с № 11 за 2012 г., ИНИОН РАН публикует полные тексты отдельных депонированных работ и отдельные статьи из сборников научных статей.

ОСЬМИНИНА Е.А.
АНАЛИЗ ТЕКСТА В КУЛЬТУРОЛОГИИ.
ПРАКТИКУМ

1. Основные понятия и задачи практикума

Слово «текст» происходит от латинского *textus* (ткань, сплетение, соединение) и среди своих значений имеет следующие: авторское словесное сочинение или документ, воспроизведенные на письме или в печати; последовательность знаков (языка или другой системы знаков, расположенных по правилам данного языка (системы) и образующих единое целое («Новый словарь иностранных слов»). Последнее определение существует в семиотике, лингвистике и информатике. В данном курсе обучающиеся должны уяснить, что такое лингвистический (в том числе и лингвокультурологический), семиотический, культурологический, литературоведческий, искусствоведческий анализ, освоить технику каждого.

«Анализ» как метод изучения культуры имеет три значения: уяснение сущности явления (так он понимался в Античности), разложение явления на части (с Нового вре-

мени, сформулировано Р. Декартом) и интерпретация, вплоть до трансформации явления (в аналитической философии). Все три значения используются, однако, преобладает второе (как наиболее распространенное).

В рамках каждой темы преподаватель предлагает план анализа, демонстрирует его на примере текста русской культуры как наиболее известной и понятной обучающимся; знакомит с важнейшими трудами, в которых обосновывается и иллюстрируется определенная техника анализа. Затем сами обучающиеся анализируют соответствующий текст культуры изучаемого языка.

Основные задачи, решаемые в ходе практикума:

- объяснить значение термина «текст» в лингвистике, литературоведении, семиотике, культурологии, информатике; дать представление об основных школах, изучающих текст в этих науках, и техниках анализа;
- научить анализировать тексты различных наук, искусств, культуры повседневности России;
- научить анализировать тексты различных наук, искусств, культуры повседневности страны изучаемого языка;

- сформировать более глубокие знания в области культуры изучаемого языка (на основании проведенного анализа).

Материал структурирован по принципу дедукции. Сначала обучающиеся получают необходимые теоретические знания, потом учатся применять их на практике. Культура рассматривается как система, в которой выделены следующие подсистемы: искусство, повседневность, наука. Виды искусства анализируются согласно общепринятому делению: временные, пространственные и пространственно-временные.

Дисциплина, к которой относится практикум: «Техники анализа текстов культуры» является частью основной образовательной программы подготовки как бакалавра, так и магистра по направлению подготовки 033000 – Культурология, профиль подготовки – Теория и история мировой культуры, разработанной в Московском государственном лингвистическом университете. Практикум предназначен для студентов и преподавателей направления «Теория и история мировой культуры» МГЛУ.

Особенностью курса, читаемого в Московском государственном лингвистическом университете, является его

«привязка» к культуре изучаемого языка. Учащиеся делают презентацию, используя знания иностранного языка, иногда анализируются тексты на языке. Достигается двоякая цель: студенты совершенствуют свои лингвистические навыки с помощью культурологической дисциплины (формируя в себе «языковую личность»), а также лучше понимают «языки культуры» определенной страны, владея ее первичным, естественным языком.

Практикум также связан с итогом всей учебной деятельности студентов – с созданием выпускной квалификационной работы в рамках направления «Теория и история культуры». Навыки анализа, знания истории культуры, полученные в результате усвоения дисциплины, оказываются востребованными уже в стенах учебного заведения. Формированию этих навыков служат как теоретическая база, получаемая на лекциях, так и практические занятия, освоение техник анализа.

Курс для магистров является продолжением и углублением одноименного курса, читаемого для бакалавров. Студенты, овладевшие базовыми знаниями и умениями, техниками анализа вербальных текстов, совершенствуют свои познания и умения в определенной области. В рамках

существующей магистерской программы – это область культурной политики, межкультурных взаимодействий. Умение проанализировать тексты, связанные с культурой повседневности, должно быть главным итогом и результатом обучения.

Краткое содержание практикума

Сначала обучающиеся знакомятся с содержанием термина «текст» в различных науках, а также с требованиями, предъявляемыми к тексту. В лингвистике это «акт применения естественного языка», текст должен отличаться связностью и завершенностью. Кратко рассказывается о формировании лингвистической теории текста. Текст в литературоведении – «речевая грань литературного произведения»; в семиотике «связный знаковый комплекс», знаки могут быть и невербальными. Текст в культурологии знаковое образование, которое имеет «внеситуативную ценность».

Затем демонстрируются различные техники анализа текстов из определенных отраслей культуры и видов искусства. Поскольку для отечественной семиотики именно лингвистический анализ послужил образцом для семиоти-

ческого, ознакомление с техниками начинается с лингвистики. Анализируются русские поэтические тексты (стихотворения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева), затем студентам предлагается произвести анализ поэтического текста на изучаемом языке. После лингвистики логично обратиться к лингвокультурологии и рассказать учащимся о прецедентных текстах русской культуры. Затем они сами выделяют прецедентные тексты культуры изучаемого языка. Завершает анализ вербальных текстов литературоведческий, а именно, структурно-функциональный анализ волшебной сказки: сначала русской, а затем – страны изучаемого языка. Последний анализ студенты делают самостоятельно. Поскольку речь идет о временных искусствах, в этой части раздела можно рассказать о семиотике музыки; однако материал довольно сложен, его следует давать только сильным группам.

От временных искусств следует перейти к пространственным. В рамках семиологии рассказывается об архитектуре как средстве коммуникации, функциях и кодах. Кроме того, раскрывается смысл важнейших архитектурных символов. Объектом анализа в данной теме является русская сакральная архитектура. Затем учащиеся само-

стоятельно проводят анализ архитектурного сооружения страны изучаемого языка. От архитектуры легко перейти к градостроению, объяснив важнейшие символы и коды. Объектом как структурного, так и семиотического анализа становится Москва. Учащиеся обращаются к важнейшим городам страны изучаемого языка. Заключительный объект «архитектурного» анализа – произведения садово-парковой архитектуры. Они исследуются искусствоведческими методами; потом студенты также рассматривают парки изучаемой культуры.

Последние артефакты пространственных искусств относятся к живописи. Отечественные культурологи с успехом применяют к живописи лингвистический анализ. Он проводится на иконописном материале и служит для учащихся образцом. Если в данной культуре станковая живопись или иконопись не представлены, объектом исследования может стать орнамент или миниатюра.

Из пространственно-временных искусств для структурно-семиотического анализа выбирается кино, но тема также требует хорошей подготовки группы; в противном случае ее можно пропустить.

Семиотика культуры повседневности включает в себя тему «вестиментарного кода». Теория анализа балансирует на грани социологии и семиотики; для конкретного разбора привлекаются сакральные костюмы в русской культуре. Учащиеся могут объяснять как символический смысл одежд, связанных с культом, так и знаки социума, отражающиеся во внешнем виде.

Последняя тема курса – анализ документа, как он приводится в учебниках культурологии. Для примера можно взять исторический текст, относящийся к русской культуре, или текст из СМИ. Учащимся предлагается выбрать хорошо известный документ из истории журналистики страны изучаемого языка и проанализировать его согласно данной схеме.

Практические задания с примерами их выполнения

Задание к теме «Лингвистический анализ текста (анализ стихотворения)»

Сделать анализ по схеме: 1) автор, название; 2) история создания, биографический контекст; 3) тема и жанр (род); 4) ритмический строй речи (метрика, ритмика, строфика, рифмика, фоника); 5) образные средства речи (эпите-

ты, тропы, фигуры); б) культурно-исторический контекст, примеры интертекстуальности.

Пример выполнения задания

Презентация студентов, изучающих итальянский язык, была посвящена «Божественной комедии» Данте. Была рассказана история создания поэмы, определены тема, идеи, система образов. Назван род и жанр произведения. Рассказано о терцинах. Для более подробного анализа избран небольшой отрывок из «Ада», отмечены риторические фигуры и тропы.

Задание к теме

«Лингвокультурологический анализ текста»

Сделать анализ по схеме «Прецедентный феномен»: «прецедентное имя», «прецедентное высказывание», «прецедентный текст».

Виды прецедентных текстов: сакральные тексты, фольклор, литературные тексты, сценарии кинофильмов, названия произведений других видов искусства.

Пример выполнения задания

Презентация студентов, изучающих китайский язык, включала иллюстрацию некоторых мифологических обра-

зов. Также были рассмотрены: «Суждения и беседы» («Лунь-юй») Конфуция и труды конфуцианцев («Мэн-цзы»). Даосская мудрость представлена «Книгой пути и благодати» («Дао-дэ-цзын) Лао-цзы, некоторыми текстами «Чжуан-цзы». В качестве прецедентных текстов были выделены четыре самых известных произведения китайской литературы: «Троецарствие» (Ло Гуаньчжун), «Речные заводи» (Ши Найань), «Путешествие на Запад» (У Чэн-энь), «Сон в Красном тереме» (Цао Сюэ Цинь).

Задание к теме «Литературоведческий анализ текста (анализ волшебной сказки)».

Схема анализа: 1) название сказки; место первой публикации; 2) тип сказки; 3) сюжет и ходы сюжета; 4) отдельные мотивы; 5) герои и их функции; 6) волшебные средства (если есть); 7) особенности пространства; 8) особенности времени; 9) сказочные эпитеты; 10) распространенность сюжета в мировом фольклоре; гипотеза происхождения (по выбранной школе).

Пример выполнения задания

Презентация студентов, изучающих арабский язык, рассматривает сказки «Тысячи и одной ночи»: систему

персонажей, их функции и взаимоотношения между ними. Рассмотрены основные сюжеты.

Задание к теме «Семиотика музыки».

Схема анализа: 1) автор, название; 2) история создания, биографический контекст; 3) тема и жанр; 4) музыкальные мотивы; 5) культурно-исторический контекст, интертекстуальность.

Пример выполнения задания

Презентация студентов, изучающих немецкий язык, включает звуковое сопровождение. «Главным героем» является И.С. Бах, его мелодии, мотивы, символы и знаки его музыки.

Задание к теме «Семиотика архитектуры»

Схема анализа: 1) название, назначение сооружения; 2) символический смысл здания; 3) архитектор, время и место, причины сооружения, история создания, легенда, если она есть; 4) стиль архитектуры; 5) части здания (внешние и внутренние), их назначения, функции; символический смысл частей; 6) скульптуры и росписи, их связь

друг с другом и общей идеей, символический смысл; 7) здание как «культурный код»; его наличие в других зданиях, в произведениях других искусств.

Пример выполнения задания

В презентации студентов, изучающих арабский язык, рассматривалась «Большая мечеть» в Мекке в контексте основных типов мечетей. Рассказывалось о частях, внутреннем устройстве здания, символике, значении Каабы.

Задание к теме «Семиотика города»

Схема анализа: 1) название, основатель, время и место возникновения; 2) причины и история возникновения; легенда, если она есть; 3) символический смысл города; 4) структура города, расположение частей; 5) отдельные части города: сакральная и светская часть; административные, военные, хозяйственные части; отражение символического смысла в структуре; 6) отдельные улицы и здания, их функциональный и символический смысл; 7) город как «культурный код» и совокупность кодов; их наличие в других городах, в произведениях других искусств.

Пример выполнения задания

Презентация студентов, изучающих китайский язык, посвящена Пекину. Выделен «запретный город», его структура. Принципы фэн-шуй рассматриваются в качестве «городского кода». Показывались отличия Пекина от Гуанчжоу и Гонконга.

Задание к теме «Семиотика сада»

Схема анализа: 1) название сада, место нахождения, время создания, садово-парковый архитектор; 2) исходная мифологема; 3) принадлежность (владение); 4) функция сада (назначение); 5) стиль сада, основная идея стиля; 6) элементы сада и их символический смысл: рельеф, аллеи, вода и камни, флора (деревья, кусты, цветы), фауна, архитектурные сооружения, статуи; 7) отражение в культуре (литературе, изобразительном искусстве, кино).

Пример выполнения задания

Презентация студентов, изучающих английский язык, рассказывает об английских парках на примере парка дворца Бленхейм. Английский пейзажный парк рассматривается как антипод французскому регулярному, как знак

английского свободомыслия. Сравнение с китайским парком позволило выделить отличную «семантику» при сходной «синтактике».

Задание к теме «Семиотика живописи»

Схема анализа: 1) художник, название, тема; 2) история создания, биографический контекст; 3) род, жанр; 4) стиль живописи; 5) особенности композиции; 6) символический смысл деталей; 7) цветовая гамма; 8) техника; 9) произведение как «культурный код»; его наличие в других произведениях, в произведениях других искусств.

Пример выполнения задания

В презентации студентов, изучающих английский язык, анализировалась «Офелия» Дж.Эв. Миллеса. Произведения прерафаэлитов дают прекрасные возможности рассказать о символах и знаках живописи. В данном случае проиллюстрирована литературная основа произведения, расшифрована флористическая символика.

Задание к теме «Семиотика кино»

Схема анализа: 1) автор, название; 2) история создания, биографический контекст; 3) тема и жанр (род);

4) сюжет и композиция; 5) герои, их мифологические прообразы; 6) особенности времени и пространства; 7) произведение как «культурный код».

Пример выполнения задания

В презентации студентов, изучающих английский язык, анализировалась одна из серий английского фильма «Шерлок» (с 2014 г.). Показаны и аллюзии из романа А. Конан-Дойля, так и трансформация сюжетов и героев, интеллектуальная игра сценариста и режиссера.

Задание к теме «Семиотика костюма»

Схема анализа: 1) название, назначение костюма; 2) символический смысл костюма; 3) стиль костюма; 4) части костюма; символический смысл частей; 5) материал костюма, его значение; 6) костюм как «культурный код»; его наличие в произведениях других искусств.

Пример выполнения задания

Презентация студентов, изучающих китайский язык, рассказывает о костюмах китайского императора и китай-

ских чиновников. Рассматривается символика цвета и узора. Выделяются знаки, указывающие на ранги чиновников.

Задание к теме «Анализ документа»

Схема анализа: 1) автор документа; 2) содержание документа; 3) форма документа; 4) фокус-группа, аудитория, для которой создается документ; 5) скрытые цели создателя.

Пример выполнения задания

В презентации студентов, изучающих английский язык, рассматривался текст из американской газеты «The Wall Street Journal» по указанным параметрам.

Вопросы и упражнения

Вопросы к теме «Лингвистический анализ текста»

1. Дайте определение понятий «род», «жанр» в литературе.
2. Расскажите об основных видах стихосложения.
3. Сравните образцы разбора тютчевского стихотворения «Вот бреду я вдоль большой дороги... сделанный

Ю.М. Лотманом, и лермонтовского стихотворения «Выхожу один я на дорогу...», сделанный Н.М. Азаровой.

Литература

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 882–883, 265–266 (к вопросу 1).
2. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Издательство «КДУ». 312 с. (к вопросу 2).
3. Щерба Л.В. «Опыты лингвистического толкования стихотворений». <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba2.htm>. (к вопросу 3).
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста; Структура стиха. <http://www.ruthenia.ru/lotman/papers/apt/> (к вопросу 3).
5. Азарова Н.М. Текст. Пособие по русской литературе XIX века: В 2 ч. М.: «Прометей», 2000. Ч. 1. С. 293–295. (к вопросу 3).

Вопросы к теме «Лингвокультурологический анализ текста»

1. Дайте определение понятий «прецедентный текст», «прецедентное имя», «прецедентное высказывание».
2. Расскажите о видах прецедентного текста.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: «Наука», 1987. 264 с. (к вопросам 1, 2).
2. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с. (к вопросам 1, 2).

Вопросы к теме «Литературоведческий анализ текста (анализ волшебной сказки)»

1. Дайте определение понятий: «сюжет», «мотив», «герой» для сказки.

2. Рассмотрите анализ сказки «Гуси-лебеди», сделанный В.Я. Проппом.

Литература

1. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: «Лабиринт», 2001. 144 с. (к вопросам 1,2).

Вопросы к теме «Семиотика архитектуры»:

1. Дайте определение понятий «знак» и «код» в архитектуре.

2. Расскажите о символике архитектурных форм.

Литература

1. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. <http://nmm-club.me/forum/viewtopic.php?t=781252>. (к вопросу 1).
2. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: ХАО Центрполиграф, 2007. 543 с. (к вопросу 2).

Вопросы к теме «Семиотика города»

1. Рассмотрите анализ образа Петербурга, сделанный Ю.М. Лотманом.

2. Сравните базовые мифологемы Москвы и Петербурга.

Литература

1. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. <http://eltri.com.ua/jefizaqud.html>. (к вопросам 1, 2).
2. Кудрявцев М.П. Москва – третий Рим: Историко-градостроительное исследование. М.: Сол Систем, 1994. 256 с. (к вопросу 2).

Вопросы к теме «Семиотика сада»

1. Расскажите об элементах сада.
2. Расскажите о стилях садово-парковой архитектуры.

Литература

1. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: ХАО Центрполиграф, 2007. 543 с. (к вопросу 1).
2. Лихачев Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. М.: Согласие, 1998. 465 с. (к вопросам 2, 3).

Вопросы к теме «Семиотика живописи»

1. Дайте определение основным жанрам живописи.
2. Рассмотрите образец анализа иконописи, сделанный Б.А. Успенским.

Литература

1. Лотман Ю.М. Натюрморт в перспективе семиотики. Портрет // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб: «Искусство-СПБ», 1998. С. 494–518 (к вопросу 1).
2. Успенский Б.А. Семиотика иконы. <http://ec-dejavu.ru/i/Icon.html> (к вопросу 2).

Вопросы к теме «Семиотика кино»

1. Выделите элементы и уровни киноязыка.

Литература

1. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПБ», 1998, С. 288–373.

Вопросы к теме «Семиотика костюма»

1. Дайте определение «вестиментарного кода».

Литература

1. Барт Р. Система моды. http://yanko.lib.ru/ann/barthes_systeme_de_la_mode-a.htm (к вопросу 1).

Комментарий к практикуму

В образовательном процессе различные учебные дисциплины дают возможность организовать успешное взаимодействие студентов, предоставляют свой материал для обсуждения изучаемой культуры. Но дисциплина «Техника анализа текстов культуры» как предмет обладает, так сказать, наибольшим коммуникативным потенциалом для поставленных задач.

Именно отсюда можно черпать наибольшее количество примеров, на этом материале устраивать разнообразные мероприятия, вечера, представления. Обучающиеся всегда любят этот предмет, с удовольствием делают презентации и показывают их на занятиях. Причем наибольший эффект получается, когда презентацию по своей культуре делает целая группа и представляет другой группе, состоящей из изучающих другую культуру. С одной стороны, реализуется принцип соревнования, состязательности, с другой – взаимопомощи и обмена. Неоднократно в ходе таких представлений приходилось наблюдать, как на

глазах завязывается своеобразный диалог: обсуждаются особенности национального орнамента, сада.

Наибольший интерес всегда вызывает костюм. В его развитии отразилась и история сырья, и история кроя; и культурное доминирование определенного региона в определенный момент времени.

Так, византийский костюм носит Европа раннего Средневековья. В эпоху Возрождения повсеместно господствует флорентийский и венецианский костюм. В XVI веке, как указывает Фернан Бродель, испанский черный суконный костюм входит в моду. Испания владычествует в Европе, с ней начинает соперничать Англия, где костюм трансформируется. Елизавета Английская, сохраняя общий силуэт женского костюма (очень широкая юбка, стянутый верх), укорачивает юбку, носит декольте, надевает несколько роскошных воротников. В XVII веке восторжествовал так называемый «французский костюм», с его яркими шелками и более свободным покроем. Французская мода господствовала и в XVIII веке, в XIX веке повсеместно видно влияние Англии и т.д.

Интересно рассмотреть историю отечественного костюма. Сначала русские носили славянские одежды: руба-

ху – сорочицу, панёву (два куска несшитой клетчатой ткани). Принятие христианства принесло с собой длиннополую тяжелую одежду из дорогих узорчатых тканей. Распространяются бармы (оплечья), плащи-накидки. Татаро-монгольское нашествие принесло с собой распашные наряды типа восточных халатов (раньше накладная одежда надевалась через голову). А также – косой ворот, сапоги с загнутыми кверху носами; каблуки тоже пришли с Востока. Большинство названий в русском костюме XIV–XVI века: сарафан, кафтан, халат – восточные. Кафтан был любим мужчинами вплоть до XVIII века. Он различался по крою и названию, которое указывает на происхождение: русский, турецкий, польский, венгерский, турлик, шубный.

История костюма изложена в многотомном труде немецкого историка XIX века Германа Вейса «Настольная книга для заказчика костюма», настолько обстоятельной, что ее переиздали в России сначала под названием «Внешний быт народов», а потом «История цивилизации. Архитектура. Вооружение. Одежда. Утварь».

«Семиотика костюма» рассматривает социальные его функции, обозначение определенных социальных ролей. Костюм свидетельствует об обычаях, традициях, вере, со-

циальном статусе своего владельца. Интересен как «эффект просачивания» моды от высших слоев в низшие, так и обратный процесс, когда элита начинает копировать одежды низов (костюм ландскнехта, одежды хиппи).

Студенты группы, изучающие арабский язык, демонстрируя на занятиях свои костюмы, говорили, что количество браслетов, как и высота головного убора, указывает на положение женщины; что в традиционном обществе женщина старается надеть все драгоценности: если муж дает ей развод, она уходит из дому «в чем была». Все это вызывает интерес и живые обсуждения на занятиях.

Более сложная тема – дом и интерьер. Обилие материала: исторического, искусствоведческого (архитектура), религиоведческого, географического, этнографического, социологического требует выбора, так сказать, «классифицирующей единицы». Общие культурологические сведения предоставляет фундаментальный труд немецкого этнографа XX века Юлиуса Липса «Происхождение вещей. Из истории культуры человечества». Он выстраивает историко-географическую типологию жилища, показывая его развитие: пещера – ветровой заслон – палатка и прямоугольный

дом. Палатки разнятся: типы индейцев, гоатта лопарей, юрты и палатки кочевников.

Очень интересны разные дома малочисленных народов Китая: круглые жилища хакка (Фуцзянь, Южный Китай), юрты кочевников (Внутренняя Монголия). Расположение китайских домов, согласно традиционным верованиям, подчиняется принципам фэн-шуй. Входная дверь, например, должна открываться на юг, углы не должны выступать, громоздкая мебель не должна стоять напротив входной двери и пр.

Группам, изучающим английский и немецкие языки, приходилось рассказывать про устройство и расположение отдельных частей средневековых замков, про распространение фахтверковых домов с эпохи Возрождения, о дворцах и доходных домах, а затем – о господстве функционализма, стиля стекла и бетона, который зародился в Германии (архитекторы Питер Беренс, Вальтер Гропиус, Людвиг Мис ван дер Роэ).

Всегда интересен разговор об утвари и интерьере. На основании распространения тех или иных предметов можно объективно судить о культурных контактах. Греческие вазы – свидетельство о греческой колонизации в Антично-

сти. Европейцы привезли с собой из крестовых походов моду на стекло, дорогие ткани. Китайский шелк – основа для такой культурной магистрали как Великий шелковый путь. Персидские ковры, турецкое оружие, китайские лаковые изделия и фарфор – все это знаки межкультурных контактов.

Отдельная тема, которая интересует обучающихся вне зависимости от возраста – сады, садово-парковое искусство. Она излагается по книге Д.С. Лихачева «Сад как текст. Поэзия садов». Ученый рассмотрел преемственность садов в Италии (от Античности до Возрождения); влияние садов голландского барокко на сады Франции и Англии, регулярные парки французского классицизма и их воздействие на английские и русские сады, пейзажные английские парки, и также их влияние на русские.

К сожалению, в книге нет садов ни Ближнего, ни Дальнего Востока. Поэтому обучающиеся могут обратиться к трудам Н.А. Виноградовой, Н.С. Николаевой и разобрать приведенные примеры, демонстрируя религиозные и философские принципы, лежащие в основе дальневосточных садов. Что касается влияния, то английский сад имеет одним из важнейших источников своего происхождения

сад китайский. Хотя главный принцип сада (свободный стиль) в Китае и в Англии получает совершенно разное философское обоснование.

Обряды, обычаи, этикет праздничный, деловой и застольный можно предложить обучающимся для самостоятельного изучения. Здесь также можно выделить самые разные аспекты: от исторического и религиозного до этнопсихологического и семиотического. Семиотическая наука – проксемика – рассматривает дистанцию общения – расстояние между людьми, которое представители разных культур считают для себя комфортным.

Как и в истории костюма, страна, доминирующая в определенный момент времени, определяет и этикетные нормы. Византийские церемонии переняли варварские королевства в Европе; они пришли и на Русь. Суровый, аскетический испанский двор в XVI веке повлиял на Англию, свою главную соперницу в мировой политике. В артефактах эпохи можно найти тому наглядное подтверждение. Галантность французского двора в XVIII веке оказала большое влияние на Германию, Россию. Франция осталась законодательницей мод для Европы вплоть до середины XX века. Америка ориентировалась на Англию.

Праздники и обряды тесно связаны с религией, и поэтому следует говорить о сохранении, о традиции, об уважении к чужой культуре. Межнациональная общность проявляется здесь в рамках одной религии, одного исповедания, одной временной парадигмы. Русские отмечают православные праздники по юлианскому календарю вместе с Сербией, Грузией, Иерусалимом. Общие православные праздники – с Украиной, Белоруссией, Грузией, Арменией, Грецией, Болгарией, Сербией, Черногорией, Македонией, Кипром. Христианские – с Европой и Америкой. Новый год празднуют во всем мире, но некоторые страны отмечают и свой Новый год. Вместе с китайцами празднуется международный день трудящихся (у нас сейчас – весны и труда), только китайцы празднуют целую неделю.

Найти общий праздник, предложить рассказать о нем, а потом отпраздновать вместе, в своих национальных костюмах под национальную музыку и с национальной едой, может быть, в национальной посуде – будет лучшим неформальным завершением курса «Техника анализа текстов культуры».

Рекомендуемая литература

а) основная:

первоисточники, антологии

1. Антология культурологической мысли / Авт.-сост. С.П. Мамонтов, А.С. Мамонтов). М.: Изд-во РОУ, 1996. 352 с. <http://www.twirpx.com/file/180135/>
2. Культурология. Основы курса и фрагменты первоисточников / Автор-составитель: К.В. Пашков. Ростов на Дону: Феникс, 2008. 600 с. <http://www.twirpx.com/file/1068015/>
3. Семиотика. Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 691 с.
4. Современная литературная теория. Антология / Сост., пер., примеч. И.В. Кабанова. М.: Флинта; Наука, 2004. 344 с. <http://www.twirpx.com/file/416134/>
5. Сравнительное изучение цивилизаций. Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. 556 с. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-51582.html>

учебные пособия, справочники, словари

1. Большая российская энциклопедия. М.: «Большая российская энциклопедия», 2005–2014. ТТ. 1–23.
2. *Ковшова М.Л., Гудков Д.Б.* Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с.
3. Мифы народов мира: В 2 т. М.: «Большая российская энциклопедия»; «Олимп», 1998.
4. *Родионова О.В.* История исламского искусства. М.: Рема, 2012. 224 с.
5. *Торваль Ив.* Мусульманская цивилизация. Энциклопедический словарь. М.: «Лори», 2001. 296 с.

б) дополнительная

1. *Азарова Н.М.* Текст. Пособие по русской литературе XIX века: В 2 ч. М.: «Прометей», 2000.
2. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 615 с.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. М.: Прогресс, 1986–1992.
4. *Вейс Г.* История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь: Иллюстрированная энциклопедия в 3-х томах. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
5. Все о Китае / Сост. Г. Царева, М.: Золотой век, Профит стайл, 2001. 640 с.
6. *Гаспаров М.Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. М.: КДУ, 2004. 312 с.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

8. *Кудрявцев М.П.* Москва – третий Рим: Историко-градостроительное исследование. М.: Сол Систем, 1994. 256 с.
9. *Лебон Г.* История арабской цивилизации. Минск: МФЦП, 2009. 704 с.
10. *Липс Ю.* Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. Смоленск: Русич, 2003. 234 с.
11. *Николюкин А.Н.* Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
12. *Лихачев Д.С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. М.: Соогласие, 1998. 465 с.
13. *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство, 1996. 846 с.
14. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. 768 с.
15. *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПБ», 1998. 704 с.
16. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: «Дизайн. Информация. Картография»; «Астрель» АСТ, 2001. 620 с.
17. *Овчинников В.В.* Сакура и дуб. М.: АСТ; Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2010. 448 с.
18. *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. М.: ХАО Центрполиграф, 2007. 543 с.
19. *Пропт В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
20. *Романенко А.Д.* Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. 528 с.
21. *Успенский К.А.* Семиотика иконы // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «языки русской культуры», 1995. С. 221–303.
22. *Хализев В.В.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.
23. Храм Божий и церковные службы. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. 300 с.
24. *Щерба Л.В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С 26–44.
25. *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. М.: СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
26. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: М.: Simposium, РГГУ, 2005. 501 с.
27. «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945. М.: РОССПЭН, 2001. 648 с.

Содержание

1. Основные понятия и задачи практикума	5
2. Краткое содержание практикума	9
3. Практические занятия с примерами их выполнения	12
4. Вопросы и упражнения	20
5. Комментарий к практикуму	24
6. Рекомендуемая литература	32

Печатается в соответствии с решением Ученого Совета Московского государственного лингвистического университета от 25.09.2017, протокол № 11.

Депонировано в ИНИОН РАН № 61157 от 31.10.2017 г.

СКОРИК А.П., ГАДИЦКАЯ М.А.

**К вопросу о трансформациях облика и состояния
сельских населенных пунктов Юга России
в 1930-х годах // Социальные практики региональной
истории XX века – Новочеркасск, 2017. –
С. 134–151. – Библиогр.: с. 149–151.
Деп. В ИНИОН РАН 29.12.2017, № 61158**

Обусловленные сплошной коллективизацией трансформации сельской действительности в 1930-х гг. носили всеобъемлющий характер. Более или менее существенным преобразованиям подверглись тогда не только материально-бытовые условия крестьянских семей, но и внешний вид деревни. Однако, если современники данных изменений неоднократно их освещали и указывали на их позитивное значение для деревни, стремясь тем самым в очередной раз обосновать правильность политического курса на сплошную коллективизацию, то в позднейшей историографии такого рода вопросы не рассматривались как актуальные. Настоящая публикация, посвященная наблюдав-

шимся в 1930-х гг. трансформациям состояния и облика сельских поселений на Дону, Кубани, Ставрополье и Терекке, преследует цель в некоторой степени заполнить образовавшуюся в историографии лакуну.

Говоря о тех изменениях, которые происходили в 1930-х гг. в южно-российских селах и станицах, отметим, прежде всего, темпорально выраженной их дихотомию. Села и станицы Юга России, как и подвергнутая коллективизации российская (советская) деревня в целом, «прошли в своем развитии два этапа, в рамках которых господствовали прямо противоположные тенденции культуры и быта» [1]. Первый этап – это первая половина 1930-х гг., когда на селе доминировали негативные тенденции, обусловленные разрушительными импульсами коллективизации, «раскулачивания», репрессивных акций сталинского режима в отношении населения деревни, неудовлетворительным состоянием великого множества колхозов и т.д.: сокращался и ухудшался рацион питания жителей деревни, разрушались крестьянские жилища и сельские населенные пункты и т.д. Напротив, в рамках второго этапа (вторая половина 1930-х гг.) на селе доминировали позитивные тенденции, обусловленные преодолением негативных результатов кол-

лективизации и укреплением колхозной системы: «улучшилось материальное обеспечение колхозников, активно создавались сельские учреждения культуры, просвещения, образования, здравоохранения и пр.» [2].

В условиях коллективизации большевики усилили внимание к «коренной перестройке старого быта» [3] деревни, которая осуществлялась, – но весьма медленными темпами, – едва ли не с момента прихода В.И. Ленина и его соратников к власти в октябре 1917 г. Вожди, идеологи и теоретики компартии стремились к тому, чтобы в ходе массированного колхозного строительства глубоким преобразованиям были подвергнуты не только социально-экономические отношения на селе, но и самые разные сферы повседневной жизнедеятельности крестьянства. В том числе, предполагалось существенно переустроить сельские населенные пункты, изменить их облик, модернизировать инфраструктуру.

В соответствии с идеологическими воззрениями большевиков и их социокультурными предпочтениями образцом для перестройки деревни выступал социалистический город. Преобразования 1930-х гг. вообще способствовали ускоренной урбанизации, в рамках которой появилась

масса новых городов, и городской образ жизни начал свое победоносное шествие по всей стране. Если в первой половине 1920-х гг., вплоть до конца 1926 г., в РСФСР и СССР немало небольших городов лишились своего статуса («102 города были переведены в сельские поселения, а еще 36 – в поселки городского типа» [4]), то индустриализация стимулировала прямопротивоположные процессы. Только в РСФСР в период с 1926 по 1965 год было образовано 455 новых городов и 1505 поселков городского типа [5], причем наиболее существенные результаты в данной сфере были достигнуты именно в 1930-х гг.

Город и городской пролетариат как социальная опора компартии должны были не только руководить «мелкобуржуазной» деревней (как о том говорил И.В. Сталин еще в 1906 г. [6]), но и превратить её и сельских жителей в собственное подобие. Поэтому, во время коллективизации приобрели актуальность проекты устройства «агрогородов», в определенной мере перекликавшиеся с европейскими проектами «города-сада» [7] и разрабатывавшиеся еще в 1920-х гг. советскими архитекторами-энтузиастами (яркий литературный образ такого романтика, мечтающего о коренной перестройке городов и сел Советской России – Ва-

силія Алексеевича Буженинова, – представлен в одном из рассказов А.Н. Толстого [8]).

«Агрогорода» представляли собой населенные пункты, располагавшиеся в сельской местности, но лишённые хаотичной деревенской застройки, устроенные по единому плану и по городскому образцу, обеспеченные благами цивилизации (водопроводом, электроэнергией, радио и т.п.), снабжённые общественными зданиями, такими, как клубы, детские сады, школы и пр. [9]. Перечень подобных построек, а также целого ряда новых элементов, без которых не мыслилась колхозная деревня, был представлен, например, на одной из иллюстраций в журнале «Коллективист»: здесь были изображены телефон, радио, кино, общественная столовая, изба-читальня, детский сад, электрическое освещение [10]. Возникали идеи застройки сельских поселений многоэтажными домами (но о домах мы поговорим в соответствующем разделе нашей работы).

Однако, в первой половине 1930-х гг. на Юге России возобладало не переустройство сельских населённых пунктов, а деструктивные тенденции разрушения, обусловленные «раскулачиванием», репрессивными мерами сталинского режима против крестьянства и казачества, неудовле-

творительным состоянием и функционированием колхозов, «перегибами» коллективизаторов – такими, например, как переселение коммунаров в общежития и разрушение их частных домов. Яркое описание того, как поспешные попытки устроить коммунальный быт приводили к разрушению сельских населенных пунктов, содержится в одной из публикаций в краевой газете Азово-Черноморского края «Молот» за март 1934 г. Автор публикации А. Соколов утверждал, что правление коммуны «Верный путь», расположенной в станице Анапской Черноморского округа Азово-Черноморского края, постоянно переселяет семьи коммунаров из дома в дом (видимо, так правление пыталось победить собственническую психологию коммунаров – вчерашних крестьян, то есть, согласно марксистской трактовке, «мелкой буржуазии»). В итоге, та часть станицы, где располагалась коммуна, была «полуразрушена», ограды и «почти половина построек» оказались разобраны на топливо, многие фруктовые деревья вырублены. Сады, виноградник и огороды не обрабатывались и зарастали бурьяном, потому что ни один коммунар не знал «как долго он будет жить на отведенной ему усадьбе и хате» и не желал впустую тратить силы [11]. Чрезвычайно негативное влия-

ние на сельские населенные пункты Юга России оказали начавшийся осенью 1932 г. «слом кулацкого саботажа хлебазаготовок» (когда две донские и тринадцать кубанских станиц были объявлены «чернодосочными» или, как говорили на Кубани, «чернодащатыми» [12]) и Великий голод 1932 – 1933 гг.

Широко распространенное бегство крестьян из деревни во время коллективизации, «раскулачивание», репрессии, гибель множества сельских жителей от голода привели к запустению значительного количества жилищ в селах, станицах, хуторах Дона, Кубани, Ставрополя и Терека. Некоторое представление о масштабах запустения сельских территорий дают материалы руководящих южно-российских партийных структур. Так, в апреле 1934 г. сотрудники Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) фиксировали в сельских районах края 26 тыс. пустующих домов, из них «вполне годных для жилья» – 5,1 тыс. [13]. Уже эти цифры позволяют прийти к выводу, что часть опустевших жилищ так и стояла без хозяев, оставаясь пригодной к заселению. Именно о таком жилье писали работники политического отдела Усть-Лабинской МТС, отмечая, что знакомясь с положением в колхозах они бывали в бригадах, в

хатах колхозников и даже «посетили дома, в которых уже не было жильцов – кулацкие хаты» [14].

Но значительное количество опустевших домов, – а в иных селениях и большинство, – разрушалось. Этим занимались как местные власти (те же сельские и станичные советы), так и обычные деревенские обыватели, ломавшие дома односельчан на топливо или стройматериалы. Одновременно растаскивались хозяйственные постройки и ограды на опустевших усадьбах, вырубались росшие там сады [15]. Как следствие, источники первой половины 1930-х гг. пестрят сообщениями о разрушении тех или иных селений: «станция [Копанская]... разрушена»; «станция [Динская]... вся заросла бурьяном, дома разрушены, заборов нет»; «[в станице Ленинградской] заборы, древонасаждения и т.д. беспощадно уничтожаются. Вид станицы за исключением центра – тяжелый»; «[в станице Ново-Щербиновской] жилые дома, надворные постройки и заборы – в массовом количестве разрушаются и уничтожаются», вследствие чего «по всей станице образуются громадные пустыри с остатками разрушенных зданий и вырубленных деревьев» [16].

Добавим, хотя это и выходит за территориальные границы нашего исследования, что подобные явления на-

блюдались повсеместно, а не только на Юге России. Так, известный отечественный историк А.Я. Гуревич вспоминал, что в 1930-х гг. он, будучи ребенком, неоднократно ездил со своей няней в одну из рязанских деревень, где жила сестра няни с мужем – «тетя Маша с дядей Колей». Как-то раз маленький гость спросил хозяина дома: «Дядя Коля, а почему вот у вас изба стоит, у Степаниды изба стоит, а дальше дома совершенно разоренные – ни стен, ни крыши?». Он в ответ: «Мамай прошел». Это были следы коллективизации, которая сопровождалась не только ограблением состоятельных крестьян, арестами и ссылками. За чем-то еще потребовалось уничтожать их дома» [17]. Недоумение, сквозящее в этом полувопросе А.Я. Гуревича, легко развеять: ведь если сельсоветы не передавали опустевшие дома раскулаченных сельских жителей новым хозяевам (обычно из числа батраков или бедняков) или не отводили их под общественные учреждения (избы-читальни, детские ясли и т.п.), то эти строения, как мы уже отмечали, разбирались на топливо или стройматериалы.

Вместе с тем, никоим образом невозможно утверждать, что ситуация, сложившаяся в селах и станицах Юга России в первой половине 1930-х гг., сводилась исключи-

тельно к разрушению. Тенденция разрушения являлась доминирующей, но отнюдь не единственной в советской и, в частности, южно-российской деревне в эпоху «великого перелома». Сельская действительность была многомерной, так что в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. негативные, деструктивные явления в деревне сосуществовали с позитивными созидательными процессами.

Сопровождавшее коллективизацию созидание в сфере деревенской обыденности выражалось в совершенствовании инфраструктуры сельских населенных пунктов, в устройстве в них водопровода, радиовещания, электрического освещения, строительстве и ремонте помещений школ, изб-читален, детских садов, колхозных клубов, в осуществлении мер пожарной безопасности, в борьбе за улучшение санитарно-гигиенических условий в хуторах, селах и станицах и т.д. Реализация означенных инициатив осуществлялась партийно-советскими органами с опорой на колхозы, МТС, совхозы и сельский (колхозный) актив; это была разумная стратегия, способствовавшая существенному расширению социальной базы преобразований деревенской действительности и повышению их результативности.

Сельским и станичным советам Дона, Кубани, Ставрополя и Терека, состоявшим из равнодушных, добросовестных работников и возглавлявшихся инициативными и предприимчивыми председателями, даже в сложнейших условиях «великого перелома» удавалось изыскивать возможности и средства для строительства общественных зданий, озеленения, поддержания сел и станиц в порядке и чистоте. Большую помощь сельсоветам оказывали в этих начинаниях местные колхозы: обычно, впрочем, не все, а лишь наиболее крепкие в организационно-хозяйственном отношении. Колхозы помогали сельсоветам осуществлять задуманное, предоставляя работников, тягло, повозки и материалы. В частности, к середине 1930-х гг. на Кубани «один из лучших образцов борьбы за культурный быт, за благоустройство села» представляла собой уже упоминавшаяся выше станица Дондуковская Майкопского района. Станичный совет бдительно следил за тем, чтобы жилые дома в станице были побелены, а ограды и прилегающая к домовладениям территория содержались в порядке: на одной из фотографий, где запечатлена станичная улица, хорошо видны аккуратные заборы из штакетника, перед которыми ровным рядком высажены заботливо побеленные

известью молодые деревца. Кроме того, Дондуковский стансовет провел подготовительные мероприятия к организации в станице парка культуры и отдыха [18].

Пытаясь преодолеть наглядно представленные в сельских населенных пунктах Дона, Кубани, Ставрополья и Терека разрушительные последствия сплошной форсированной коллективизации (или, в соответствии с официальной риторикой, результаты сопровождавших коллективизацию «перегибов»), представители власти прилагали усилия к улучшению санитарии и гигиены в южно-российских селениях. Характерным является принятое в июле 1934 г. Вешенским райкомом ВКП(б) решение о создании из числа работников райкома комиссии «для приведения в порядок улиц и построек станицы Вешенской»: комиссия должна была обеспечить выполнение таких мер, как побелка домов, устройство или восстановление оград в домовладениях, мощение улиц и очистка их от сорняков [19].

В датированных первой половиной 1930-х гг. документах партийных комитетов Юга России содержится немало решений, подобных принятому Вешенским райкомом ВКП(б). Но если вешенские партработники ограничились

созданием комиссии по благоустройству, то их коллеги из других районов призывали на помощь сельский актив.

Судя по содержанию источников, в борьбе за оптимизацию санитарно-гигиенических условий на селе партийно-советские работники Юга России возлагали наибольшие надежды на колхозниц-активисток. Так поступали, например, ставропольские коммунисты, призывавшие местных колхозниц не только бороться за чистоту в собственных домах, но и всемерно содействовать оздоровлению деревенской действительности. Когда в январе 1934 г. в Благодарненском районе Ставрополя прошел слет колхозниц-ударниц, его участницы обратились к односельчанкам с призывом «включиться в культурный поход», развернуть соревнование на лучший чистый двор, чистую хату и пр. [20]. Состоявшаяся в сентябре того же года Ставропольская районная конференция колхозниц-ударниц приняла обращение к членам коллективных хозяйств района, в котором говорилось: «Приехав домой, мы развернем на деле месячник борьбы за чистоту, за хорошее санитарное состояние села и человеческую гигиену. В этот месячник мы обязаны выдрать бурьян с улиц сел и хуторов, убрать мусор, обломки камней, привести в чистоту свои улицы, каж-

дый дом выбелить, навести чистоту во дворе и обязательно в каждом колхозе построить общеколхозную культурную баню» [21].

Вышеперечисленные меры по модернизации и оптимизации сельской действительности на Дону, Кубани, Ставрополье и Тереке в первой половине 1930-х гг. давали свои плоды. Однако, обусловленная форсированной коллективизацией и «раскулачиванием» дезорганизация деревенского жизнеустройства была слишком серьезной для того, чтобы её можно было остановить и, тем более, преодолеть в кратчайшие сроки. Кроме того, масштабы и результативность созидательных мер в деревне, осуществлявшихся в отмеченный период времени, были изначально невысоки (и постоянно снижались) под влиянием крайней организационно-хозяйственной слабости подавляющего большинства коллективных хозяйств, из-за дефицита средств, выделявшихся на культурно-бытовое строительство и модернизацию сельских поселений и т.п. Поэтому, в первой половине 1930-х гг. на первый план выдвигалось разрушение, а не созидание. В сравнении с относительно скромными достижениями в области обустройства и оздоровления деревни, негативные, разрушительные для сель-

ских поселений Юга России (как и других регионов СССР) последствия коллективизации были для современников гораздо более впечатляющими и бросающимися в глаза.

Позитивные тенденции в сфере сельской действительности и обустройстве коллективизированной деревни возобладали над негативными во второй половине 1930-х гг. С середины указанного десятилетия постепенно возрастали масштабы и результативность мероприятий по модернизации и благоустройству деревни, осуществлявшиеся в общих рамках организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы. Важную роль в оптимизации состояния сельских населенных пунктов – как по всей стране, так и на Дону, Кубани, Ставрополье и Тереке – сыграло то обстоятельство, что законодатель возложил часть забот о них на колхозы. В принятом 17 февраля 1935 г. «Примерном уставе сельхозартели», представлявшем собой основополагающий для коллективных хозяйств документ, четко и недвусмысленно указывалось, что колхозы обязаны «обзаводиться банями, парикмахерскими, оборудовать светлые и чистые станы в поле, приводить в порядок деревенские улицы, обсаживать их различными, особенно плодовыми деревьями, содействовать колхозницам в улучшении и ук-

рашении их жилья» [22]. Крепкие в организационно-хозяйственном плане колхозы, располагавшие определенными финансами, людскими и материальными ресурсами, могли достаточно эффективно выполнять вышеперечисленные задачи.

Во второй половине 1930-х гг. степень благоустройства сельских населенных пунктов Юга России заметно возросла как результат заботы сельсоветов и коллективных хозяйств. Ширилась практика озеленения сел и станиц, фиксировавшаяся и в первой половине рассматриваемого десятилетия (уместно напомнить об улицах станицы Дондуковской с молодыми деревцами, высаженными перед домовладениями местных жителей). Эта полезная практика сохранялась и еще более распространилась на Юге России на протяжении последовавших за 1930-ми гг. советских десятилетий, что давало современникам повод утверждать: «Во многих колхозах проведено озеленение селений..., перед домами имеются палисадники с кустарниками и цветниками, улицы обсажены деревьями и т.д.» [23].

При наличии средств и возможностей (которых, повторимся, стало гораздо больше во второй половине рассматриваемого нами десятилетия), местное руководство в

районах, станицах и селах Дона, Кубани, Ставрополя и Терека старалось устроить водопровод. В частности, такое серьезное достижение фиксировалось в середине – второй половине 1930-х гг. в селе Изобильном – административном центре Изобильненского района Северо-Кавказского края [24]. Водопровод давал хлеборобам чистую и вкусную воду, что само по себе было немаловажно для южно-российских селений. Ведь нередко они либо вовсе не имели источников и колодцев (из-за чего жителям приходилось устраивать цистерны для сбора и хранения дождевой воды), либо качество колодезной воды оставляло желать лучшего: то она была соленая, то, как в станице Полтавской на Кубани, «пахла болотом и была жесткая от присутствия извести» [25]. Еще более важно то, что водопровод являлся важным средством оптимизации санитарно-гигиенических условий на селе и облегчал жизнедеятельность местного населения.

Во второй половине 1930-х гг. на Юге России с бóльшим размахом продолжались начавшиеся еще в эпоху НЭПа работы по электрификации сельских населенных пунктов. Благодаря электромотору жизнь донских, кубанских, ставропольских, терских хлеборобов менялась в

лучшую сторону. На деревенских улицах и в крестьянских домах по вечерам загорался «свет без огня, без копоти, ровный, яркий, безопасный», дававший селянам больше времени «для работы, для чтения» [26].

Во второй половине 1930-х гг. постепенно формировался центральный архитектурный ансамбль коллективизированных сел и станиц Юга России, окончательно сложившийся уже в послевоенные годы и выглядевший следующим образом: «На центральных улицах или площади расположены здания правления колхоза, сельского Совета, клуба или дома культуры, кинотеатра, библиотеки, почтового отделения, сберкассы, магазинов, рынка, различных мастерских бытового обслуживания, столовой и др. В центре станицы много зеленых насаждений, цветников, есть скверы, парк» [27].

Добавим, что в советскую эпоху одним из неперенных архитектурных элементов каждого более или менее крупного сельского населенного пункта, помимо вышеперечисленных, являлся памятник либо обелиск. Такое новое явление в жизни российской деревни, как установка памятников, фиксировалось в селах и станицах Юга России еще в 1920-х гг. [28]. В 1930-х гг. масштабы подобной

практики увеличились. Обычно в деревне в 1930-х гг. сооружались памятники В.И. Ленину, И.В. Сталину, борцам за Советскую власть, погибшим в годы Гражданской войны. Партийный и издательский работник Е.Г. Левицкая, ездившая летом 1930 г. к М.А. Шолохову в Вешенскую, по пути побывала в станице Каргинской и так описала станичную площадь: «Посреди площади отгороженное место с памятником черным, деревянным и надпись: “Борцам пролетарской революции, погибшим в борьбе с бандитизмом”. И вокруг огород, очевидно школьный» [29]. В одном из фотографически точных рассказов В.Д. Фоменко обрисован памятник В.И. Ленину в поселке Целина – административном центре одноименного района Ростовской области: «[В центре поселка можно видеть] небольшого, размером с мальчика, гипсового Ленина. Он выбеливается так часто, столь густо, что утолщенные мелом ленинские лацканы, воротничок, галстук слиты в одно, как общее творчество многих женщин-активисток, выбеливающих монумент ко всем праздникам и после каждой пыльной бури. У подножья памятника пестреют обильно политые петунии» [30]. Рассказы Фоменко отражают действительность донской деревни первых послевоенных лет: но обрисован-

ные в них элементы деревенской обыденности существовали на селе с 1920-х гг.

Ярким примером благоустройства сельских населенных пунктов Юга России во второй половине 1930-х гг. выступает станица Вешенская. П.К. Луговой, возглавлявший Вешенский райком ВКП(б), вспоминал, что в 1930 г. станица Вешенская была невелика (всего 300–400 дворов) и располагалась «на левобережье реки Дон, на голом белом песке – ни кустарник, ни деревце не украшали станицу»; колодцев здесь почти не было (рыть их в песчаном грунте было очень трудно), воду брали из Дона, но весной она становилась «мутной, грязной, негодной для питья» [31].

Благодаря мерам по озеленению станицы, ее облик существенно изменился, о чем не раз говорили многочисленные гости М.А. Шолохова, побывавшие в Вешенской. В частности, С.Ф. Лучина, один из новочеркасских рабочих, делегация которых побывала у М.А. Шолохова весной 1938 г., свидетельствовал о цветущем виде Вешенской: «Возле каждого домика – палисадник, молодые деревца (стволы последних аккуратно выбелены). Сколько мы ни

ходили по станице, нигде не видно бесхозьяйственных домовладений. Все приведено в образцовый порядок» [32].

Летом 1935 г. в Вешенской общинами усилиями был устроен водопровод. Для выполнения необходимых работ местные колхозы сформировали постоянные бригады, траншеи для укладки труб рыли все трудоспособные станичники. Огромную роль в устройстве водопровода сыграл М.А. Шолохов, по просьбе которого нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе выделил необходимые для строительства финансы, материалы, машины и оборудование. Кроме того, Шолохов лично ездил по инстанциям доставать трубы для водопровода [33]. Помимо этого, в Вешенской появился столь важный элемент нового быта, как электростанция [34]. По вечерам электрическое освещение разгоняло мрак на улицах станицы: «Матовые плафоны (абжуры) заливают молочным светом центральную улицу, площадь, подъезд к театру казачьей молодежи» [35].

К исходу 1930-х гг. не только на Дону, но и на Кубани, и Ставрополье, и Терекe насчитывалось немало сел и станиц, благоустроенных в той же мере, что и Вешенская. В частности, ставропольские исследователи в 1939 г. с

обоснованной гордостью утверждали: «Мы сейчас очевидцы того, как меняют облик ставропольские селения, терские станицы, черкесские и карачаевские аулы» [36]. Действительно, к этому времени партработники Ипатовского района Орджоникидзевского края гордо заявляли: «Мы в райцентре (селе Ипатово – авт.) построили хорошие дороги» [37], в селе Петропавловском Арзгирского района Орджоникидзевского края были построены средняя школа, стадион, Дом культуры, больница, почта, магазин, мельница, в селе Серафимовском того же района функционировали средняя школа, библиотека, киноустановка, детские дошкольные учреждения [38].

Вышеизложенные материалы убедительно свидетельствуют, что на рубеже 1930-х – 1940-х гг. состояние многих сел и станиц Юга России заметно улучшилось в сравнении с временами сплошной коллективизации. Вместе с тем, нет оснований утверждать, что позитивные явления наблюдались в южно-российской колхозной жизни повсеместно, что задача благоустройства и модернизации сельских населенных пунктов была выполнена успешно и в полной мере. Нерешенных проблем в сельской обыден-

ности на Дону, Кубани, Ставрополье и Тереке с избытком хватало и на исходе 1930-х гг.

В источниках содержится масса упоминаний о том, что состояние тех или иных сел и станиц нуждается в серьезном улучшении. Так, в 1938 г. представители власти называли хутор Базки – административный центр одноименного района Ростовской области – «крайне неблагоустроенным» [39]; а ведь хутор располагался недалеко от цветущей станицы Вешенской. Летом 1940 г. работники Благодарненского райкома ВКП(б) Орджоникидзевского края признавали, что до сих пор водоснабжение населенных пунктов района, не исключая райцентра, весьма неудовлетворительно. Как и в досоветские времена, население было вынуждено собирать дождевую воду в цистерны или бассейны; если же наступала засуха, воду приходилось привозить за 15–20 км. Не имея иного выбора, жители района пользовались также водой из балки Мокрая Буйвола, загрязненной и с горько-соленым вкусом. Начавшееся в районе в 1937 г. строительство водопровода, на которое ушло около 1 млн. руб., было законсервировано в связи с дефицитом средств (нужно было до 3 млн. руб.) [40].

Наиболее же печальная ситуация складывалась в многочисленных хуторах Дона, Кубани, Ставрополя и Терека, подавляющее большинство которых практически не испытало на себе благотворного воздействия осуществлявшихся в 1930-х гг. мероприятий по модернизации и оптимизации сельского быта. Ограниченные финансовые и материальные возможности государства, местных бюджетов, колхозов и МТС никоим образом не позволяли не только провести в хутора водопровод или электричество, но даже осуществить озеленение или, тем более, замостить улицы. Если в ряде крупных станиц осуществлялось мощение улиц, то в хуторах о таком, обычно, не приходилось и мечтать.

Поэтому не только осенью и весной, но и зимой (во время оттепели), и летом – после дождей – хуторянам приходилось передвигаться по такой «могучей» грязи [41], что из нее сложно было вытащить ногу. Неравная борьба с грязью была чревата не только неизбежным упадком сил, но и вероятными материальными потерями: очевидцы с полным основанием сокрушались, что не так уж и редко, в грязи «с ног стаскиваются сапоги, а то и отрываются подошвы с каблуками» [42].

Наученные горьким опытом, сельские жители обычно не месили грязь посреди улицы, а предпочитали пробираться «вдоль улиц по плетням» [43]. Подобная зарисовка встречается в одном из произведений М.А. Шолохова. Весной старший агроном Черноярской МТС Николай Стрельцов едет на коне по улице хутора Сухой Лог и видит неподалеку «осторожно пробиравшегося возле плетня, оскользавшегося по грязи [учителя] Овражного» [44] – того самого, кто завел шашни с женой Стрельцова. «Пробираться вдоль улицы возле плетней» – это была обычная практика в деревне во время ненастья: возле оград почва была потверже и, кроме того, под рукой имелась прочная опора.

Для сельских обывателей, с детства привычных к бытовым неудобствам и сравнительно спокойно воспринимавших отсутствие благ цивилизации (водопровода, электричества и пр.), грязь являлась одним из наиболее серьезных раздражителей. Судя по содержанию источников, в 1920–1930-х годах (как, впрочем, и позже) крестьяне считали её чем-то вроде эталона крайней отсталости, дремучести, неблагоустроенности деревни. По этой причине, желая кратко, не вдаваясь в детали, обозначить весь комплекс

острейших бытовых проблем в тех или иных сельских населенных пунктах, их жители риторически вопрошали: «Чего мы в наших хуторах видели, кроме грязюки?» [45].

Итак, разнообразные мероприятия, осуществленные на протяжении 1930-х гг. на Юге России партийно-советскими органами власти (в том числе, на низовом уровне – сельскими, станичными, хуторскими советами), сельской интеллигенцией и активистами, колхозами, совхозами и МТС, строительными организациями и т.д., привели к повышению степени благоустройства и оптимизации санитарно-гигиенических условий во многих селах и станицах. Разрушительные импульсы сплошной коллективизации, в начале – первой половине 1930-х гг. оказавшие крайне негативное влияние на сельскую обыденность, во второй половине указанного десятилетия были постепенно преодолены. Вместе с тем, даже к исходу 1930-х гг. результаты модернизации сельских населенных пунктов Юга России оставались скромными в связи с огромным объемом работ, финансовыми затруднениями, дефицитом ресурсов и, самое важное, по причине того, что крестьянский образ жизни по-прежнему сильнейшим образом отличался от городского. Замыслы большевиков о коренной

перестройке деревни по образцу социалистического города, о ликвидации различий между городом и деревней, не были воплощены в жизнь в 1930-х гг. в сколь-нибудь значительной степени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д., 2009. С. 418.
2. Там же. С. 418–419.
3. Государственный архив Ростовской области (ГА РО), ф. р-1390, оп. 7, д. 442, л. 80.
4. Лаппо Г.М. Рассказы о городах. Издание второе, доп. и перераб. М., 1976. С. 204.
5. Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР / Под ред. С.П. Толстова, Н.Н. Чебоксарова, К.В. Чистова. – М., 1968. С. 99.
6. Сталин И.В. Современный момент и объединительный съезд рабочей партии // Сталин И.В. Сочинения. Т.1. М., 1953. С. 271.
7. Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. Мир архитектуры: Лицо города. М., 1990. С. 85–89.
8. Толстой А.Н. Голубые города // Толстой А.Н. Голубые города. Рассказы. М., 1988. С. 6–9.
9. История советской архитектуры (1917–1954). 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Н.П. Былинкина и А.В. Рябушина. – М., 1985. С. 76–81.
10. Коллективист. 1931. № 21. С. 10.
11. Соколов А. Клеветники // Молот. 1934. 24 марта.
12. ГА РО, ф. р-2608, оп. 1, д. 4, л. 6.
13. Бондарев В.А. Сельское жилище на Дону и Кубани в эпоху «великого перелома»: масштабы и направления трансформаций // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Сб. науч. статей / Ред.-сост. Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. – Ростов н/Д., 2009. С. 277.
14. Каравай М. Политотдел. М., 1934. С. 15.
15. См. об этом: Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 462–466.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 41–42, 43, 90; ГА РО, ф. р-2573, оп. 1, д. 127, л. 14; Пав-

- лов А. Записки переселенца. О найденном дневнике, который мог стоять жизни его автору // Советская Кубань. 1991. 18 января.
17. Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 80.
 18. Азово-Черноморский исполнительный комитет Советов. Отчет о работе. 1931–1934. Ростов н/Д., 1935. С. 81, 82.
 19. ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 39, л. 56.
 20. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК), ф. 56, оп. 1а, д. 4, л. 4.
 21. Обращение Ставропольской районной конференции колхозниц-ударниц к колхозникам Северо-Кавказского края о повышении культуры производства и быта. 8 сентября 1934 г. // Голоса из провинции: Жители Ставрополя в 1930–1940 годах. Сб. документов / Науч. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь, 2010. С. 251.
 22. Примерный устав сельскохозяйственной артели от 17 февраля 1935 г. // История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2-х т. Т.1. 1917–1936. М., 1959. С. 429.
 23. Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. С. 104.
 24. История городов и сёл Ставрополя. Краткие очерки / Науч. ред. А.А. Кудрявцев, Д.В. Кочура. – Ставрополь, 2002. С. 302.
 25. Тархова Н.С. Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932 / 1933 гг. (По материалам РГВА) // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 38.
 26. Ильин М. Рассказ о великом плане // Ильин М. Избранное / Вступ. статьи, ред. и примеч. А. Ивича и О. Писаржевского. – М., 1959. С. 51.
 27. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / Отв. ред. К.В. Чистов. – М., 1967. С. 123.
 28. Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи НЭПа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012. С. 57–62.
 29. Левицкая Е.Г. На родине «Тихого Дона» // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2-х кн. Кн. 1. 1905–1941 гг. / Сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина. – М., 2005. С. 280.
 30. Фоменко В.Д. Александр Пахомович Даниловский (Из рассказов о сорок шестом годе) // Фоменко В.Д. Записки о камере. Рассказы разных лет. – Ростов н/Д., 1992. С. 141.
 31. Луговой П.К. С кровью и потом. Из записок секретаря райкома партии // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2-х кн. Кн. 1. С. 587, 612.
 32. Лучина С.Ф. Мои впечатления о поездке в Вешенскую // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2-х кн. Кн. 1. С. 572.
 33. Бобров Е. Наш Шолохов // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2-х кн. Кн. 1. С. 562; Луговой П.

- С кровью и потом. Из записок секретаря райкома партии // Там же. С. 612, 613.
34. Эйдельман Я. В гостях у Михаила Шолохова // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2-х кн. Кн. 1. С. 549; Луговой П.К. С кровью и потом. Из записок секретаря райкома партии // Там же. С. 617.
 35. Лучина С.Ф. Мои впечатления о поезде в Вешенскую // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2-х кн. Кн. 1. С. 572.
 36. Наш край (сельское хозяйство Орджоникидзевского края) / Под ред. В. Воронцова и Р. Саренца. Вып. 1. Пятигорск, 1939. С. 38.
 37. ГАНИ СК, ф. 55, оп. 2а, д. 26, л. 5.
 38. История городов и сёл Ставрополя. Краткие очерки. С. 212, 217.
 39. ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 41, л. 130.
 40. ГАНИ СК, ф. 56, оп. 1а, д. 37, л. 25.
 41. Фоменко В.Д. Александр Пахомович Даниловский (Из рассказов о сорок шестом годе) // Фоменко В.Д. Записки о камере. Рассказы разных лет. С. 142.
 42. Там же. С. 142.
 43. Там же. С. 142.
 44. Шолохов М.А. Они сражались за Родину // Шолохов М.А. Они сражались за Родину. Судьба человека. М., 1994. С. 18.
 45. Фоменко В.Д. Записки о камере // Фоменко В.Д. Записки о камере. Рассказы разных лет. С. 75.

Печатается в соответствии с решением Ученого Совета Южно-Российского государственного политехнического университета имени М.И. Платова (Новочеркасского политехнического университета) от 29 ноября 2017 г, протокол № 3.

Депонировано в ИНИОН РАН № 61158 от 29.12.2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ
TABLE OF CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ3
ОСЬМИНИНА Е.А. АНАЛИЗ ТЕКСТА В КУЛЬТУРОЛОГИИ.
ПРАКТИКУМ5
СКОРИК А.П., ГАДИЦКАЯ М.А. К ВОПРОСУ О
ТРАНСФОРМАЦИЯХ ОБЛИКА И СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКИХ
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЮГА РОССИИ В 1930-Х ГОДАХ35

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО СОЦИАЛЬНЫМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Библиографический указатель

**ДЕПониРОВАННЫЕ
НАУЧНЫЕ РАБОТЫ
2019 № 3**

Художник обложки и художественный редактор

М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование

В.Б. Сумерова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 02.07.2019

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 4,0

Уч. изд. л. 1,8

Тираж 250 экз. (1–60 экз. –

Заказ № 103

1-й завод)

Институт научной информации по общественным наукам РАН

117997 Москва, Нахимовский пр., д. 51/21

e-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У